

Йован Маркович

ВРОНСКИЙ

Йован Маркович

**Вронский. Сценарий
невыходшего фильма**

«Издательские решения»

Маркович Й.

Вронский. Сценарий невышедшего фильма / Й. Маркович —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858408-4

Полковник русской армии Николай Николаевич Раевский, послуживший Льву Толстому прототипом его героя Алексея Вронского в романе «Анна Каренина», в 1876 году приезжает в Сербию добровольцем, чтобы сражаться на стороне сербов против турок. Народная молва гласит, что за несколько мгновений до своей смерти на поле боя, он завещал: «Если погибну, оставьте мое сердце в Сербии, а тело перевезите в Россию».

ISBN 978-5-44-858408-4

© Маркович Й.
© Издательские решения

Содержание

О Золотом Витязе	6
Предисловие	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вронский

Сценарий невышедшего фильма

Йован Маркович

Литературные редакторы Флора Перевалова, Ольга Симонова
Дизайнер обложки Александр Джурович

© Йован Маркович, 2017

© Александр Джурович, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8408-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О Золотом Витязе

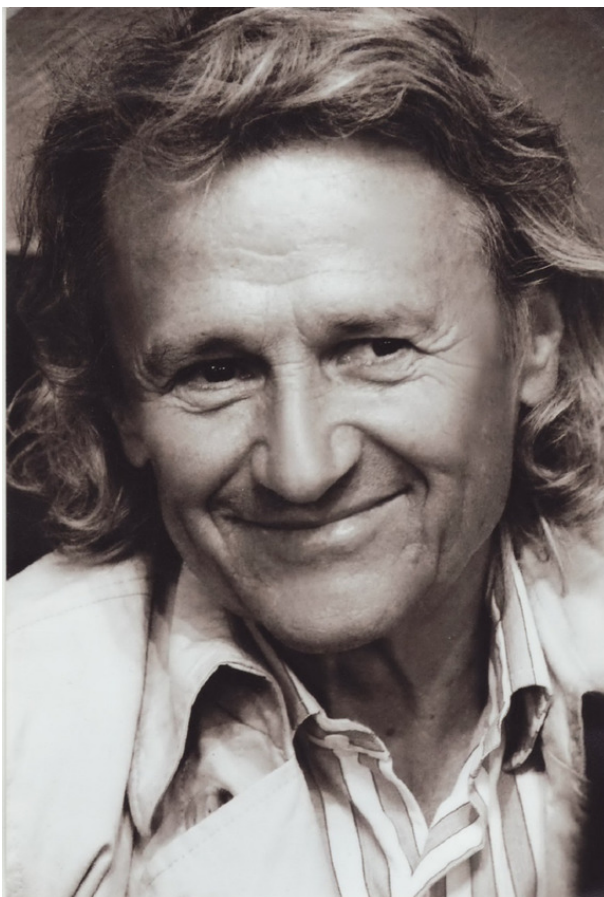
Международный Кинофорум «Золотой Витязь» появился на поле Российской культуры в самое тяжёлое для нашей страны время, в начале 1992 года. Для кого-то девиз, провозглашённый Кинофорумом: «За нравственные идеалы, за возвышение души человека», был странным (какая «нравственность», какое «возвышение души» во время оголтелого нашествия пошлости и рынка?); для других «Золотой Витязь» стал надеждой на выживание и спасение.

Минуло более четверти века мужественного стояния армии «Золотого Витязя». Он превратился в значимое культурное движение – Международный Славянский форум всех искусств, ведущий оборону за подлинный кинематограф, театр, музыку, литературу, живопись. Девиз «Золотого Витязя» стал краеугольным камнем Указа Президента России об «Основах государственно-культурной политики». «Золотой Витязь» сплотил вокруг себя десятки тысяч единомышленников из 60 стран мира, собрал более 8000 фильмов, тысячи деятелей культуры, создал Славянский Творческий Союз, объединивший 11000 деятелей всех видов искусства из 15 стран Славянского мира. Специально для «Золотого Витязя» снимаются фильмы, ставятся спектакли, пишется музыка, живописные полотна и литературные произведения. «Золотой Витязь» стал мировым брендом, светящим маяком во мраке вседозволенности, вырождающегося и агонизирующего пост-модернизма.

Особое значение для нас имеет Международный Славянский литературный форум «Золотой Витязь», одним из основоположников которого стал выдающийся русский писатель Валентин Распутин. Форум крепнет год от года, становясь одним из самых престижных литературных конкурсов Славянского мира. Лучшие литературные произведения, удостоенные приза «Золотой Витязь», регулярно переводятся и печатаются крупнейшим издательством Сербии.

Вслед за великим Гоголем можно и сегодня повторить его пронзительные слова: «Сейчас идёт бой. Самый главный бой. Бой за душу человека». «Золотой Витязь» с надеждой смотрит в будущее и не складывает оружия, понимая, что главные бои – впереди.

*Президент МСФИ «Золотой Витязь»
Председатель Общественной Палаты Союзного государства
Заместитель Председателя Общественного Совета
при Министерстве культуры РФ
Член Патриаршего Совета по культуре
Народный артист России Н. П. Бурляев*

Предисловие

В истории отношений сербов и русских не было столь значительного события, исторической аутентичности и такой символичности, как совместная борьба против турок в конце 19 века.

Автор этого замечательного сценария Йован Маркович, знаменитый сербский писатель, деятель культуры и один из самых известных сербов нового времени, занимающихся развитием культурных связей между Сербией и Россией. Многие годы он представляет сербскую кинематографию на фестивале художественных и документальных фильмов «Золотой Витязь». Этот кинофестиваль проходит во многих городах по всей России. В рамках этого фестиваля проводятся дискуссии, обсуждения и обмен опытом между кинематографистами со всего мира. Йован Маркович отмечен высокими наградами за свою литературную и кинематографическую деятельность со стороны России и Сербии.

Но вернемся к героям драмы, которая уже больше века привлекает внимание читателей, писателей и критиков. Известный полковник русской армии Николай Николаевич Раевский послужил Льву Толстому прототипом его героя Алексея Вронского в романе «Анна Каренина».

В 1876 году Сербия вела войну с Турцией. Из многих стран в Сербию приезжали добровольцы, но больше всего их было из России. Среди них – Николай Николаевич Раевский, потомственный дворянин, внук генерала Николая Раевского, воевавшего с Наполеоном.

Еще до того, как Сербия вступила в войну, в 1876 году, Раевский несколько раз с разведывательной миссией пересекал Боснию как посланник царя Александра II и проезжал по местности будущих военных действий. Свои послания он адресовал правителям Сербии и России.

Николай Раевский приезжает в Сербию, чтобы воевать на стороне сербов. Народная молва гласит, что за несколько мгновений до своей смерти на поле боя, он завещал: «Если погибну, оставьте мое сердце в Сербии, а тело перевезите в Россию». Жизнь Николая Раевского оборвалась 20 августа 1876 года около села Горный Адровац, недалеко от Алексинца. Его тело было вначале похоронено в монастыре Святого Романа в Джунисе, затем перенесено в Белград, откуда с великими почестями отправлено в Россию. На отпевании в Соборной церкви Белграда присутствовал сербский король Милан и огромное число провожающих. По желанию Раевского, его сердце похоронено в Сербии, недалеко от Крушевца.

Хочется сказать, что текст «Вронского» содержит все лучшее в современной драме: отточенные диалоги, ярко выписанные характеры, точное знание исторических событий, драматургию, которая на всем протяжении действия не оставляет читателя равнодушным. При этом язык краток и рационален, не содержит никаких украшений.

Надеюсь, что сценарий Йована Марковича обретет своих многочисленных читателей и поклонников.

*Джоко Стойич,
Писатель, магистр филологии*

Сербия – лето, 1900 год

Утро. По лесу протекает чистый, звонкий ручей.

Слышатся визг и веселый смех.

Там, где ручей пошире, группа девочек купается, брызгается. Выйдя на берег, они надевают белые платья и украшают самую красивую из них – Йованку, надев ей на голову веночек из цветов. Поют:

«Уснула Йованка на зеленой травушке, голубушка.
Матушка щекотала ее травинкой:
Голубушка, вставай, поднимайся, Йовонушка,
Королевы пришли, моя голубушка!»

Неподалеку, на проселочной дороге, стоит карета, запряженная двумя породистыми лошадьми. Она доверху нагружена чемоданами. На облучке сидит ямщик. Вдали слышна песня.

В карете дремлет дама в черном платье, лицо ее скрыто вуалью. Холеные белые руки в дорогих кольцах указывают на благородное происхождение.

Рядом со спящей дамой, на свободном сидении, лежат трость и цилиндр.

У ручья стоит мужчина средних лет. Лицо его в мыльной пене, в руках – бритва. Он начинает бриться, глядя в повешенное на дерево зеркало.

Песня девочек все ближе и ближе.

В зеркале появляется Йованка.

Песня умолкает... Мужчина оборачивается.

Йованка и девочки, сбившиеся в кучку около нее, смущенно смотрят на незнакомых людей.

– Не бойтесь. Подойдите, – улыбаясь, говорит ямщик.

Девочки застенчиво приближаются, Йованка впереди всех.

Дама в карете просыпается, откидывает вуаль. Это красивая женщина средних лет с бело-снежной кожей.

Ямщик спрашивает у девочек:

– Вы знаете, где Горни Адровац?

– Знаем. Мы из этой деревни. Здесь она, сразу за горой, – отвечает Йованка.

Дама манит рукой Йованку, та застенчиво подходит. Дама гладит ее по лицу:

– Какая ты красивая...

Йованка в смущении опускает глаза. Дама берет ее за руку:

– Как красиво тебя нарядили.

– Сегодня праздник в деревне, вот мы и...

Дама вкладывает в руку Йованки золотой.

На него попадает луч солнца, озаряет смущенное лицо девочки.

Дама улыбается:

– Возьми. Он твой.

Йованка зажимает золотой в руке. Поворачивается к своим подружкам, и они во весь дух пускаются бежать босиком через ручей.

Столетний дуб с огромными ветками и стволом. На нем вырезан крест. Это «запись» – святое место, где совершаются службы в селах, где нет храма.

К дереву прислонены иконы, а рядом с деревом – приношения: фрукты, хлеб, сыр, сало. Вокруг дуба идет крестный ход.

Впереди священник с зажженной лампадой, следом – несколько мальчиков, затем крестьяне с хоругвями, старые женщины в черных платьях с горящими свечами и, наконец, молодые женщины, девушки в белых платьях, украшенные цветами. Звучат песнопения. Слов не разобрать, слышны только женские голоса. Крестный ход останавливается. Священник поднимает руку. Пение прерывается. Священник – видный седой старик с аскетичным лицом, длинными волосами и бородой. Без правой руки. Священник начинает проповедь:

– Братья и сестры, обратимся к нашему безгрешному Богу и попросим, чтобы он простил нам прегрешения наши, вольные и невольные, которые мы учинили по молодости своей необузданной. Не отрини нас боле во время старости, когда силы человека ослабевают...

Не остави нас, а удостой сперва к тебе обратиться, а потом к земле, из которой мы созданы. Помоги нам милостию своею и избави нас от насилия противного. Очисти нас духом твоим и расторгни узы лукавого, который манит нас нечестивый... Ибо ты – Бог наш, сербский.

Священник закончил проповедь. Крестьяне подходят к дереву, втыкают в землю зажженные свечи и целуют священнику руку. Подходит и Йованка с подругами. Она все еще крепко сжимает в руке золотой, целует руку священника и, как бы желая предупредить его, что появились какие-то неизвестные люди, смотрит туда, откуда приближается карета:

– И дала мне вот это, – говорит Йованка и показывает золотой.

Священник берет его, внимательно рассматривает. По выражению его лица мы догадываемся, что этот золотой ему говорит о чем-то очень важном. Он смотрит на подъехавшую карету:

– Кто вы, люди добрые?

Из кареты отвечает человек в цилиндре, тот, что брился у ручья:

– Я – Александр Сергеевич Иванников, русский консул.

– Что Вас привело сюда?

– Мы разыскиваем Гаврилу Видоевича из Адровца.

При упоминании имени Гаврилы народ начинает смеяться. Священник останавливает их движением руки и подходит к карете.

Консул в недоумении:

– Он здесь, среди вас?

– И да, и нет, – отвечает священник.

– Что, он умер?

– Жив, да как будто и не жив... Почему бы вам не присоединиться к нам?

Во время этого разговора люди подходят ближе к карете.

– Мы очень спешим, – говорит консул.

Из толпы выходит Милутин, статный крестьянин лет пятидесяти.

Недалеко от него стоит молодая красивая женщина лет тридцати, с ней Йованка. Милутин предлагает консулу:

– Я вас отведу к Гавриле.

Крупный старик, рыжий, бородатый, копошится в воде, пытаясь вернуть в гнездо мельничное колесо. Наконец это ему удается. Это – Гаврила.

На лице его удовлетворение. Выходя из воды, он вдруг замечает Милутина, консула и графиню, стоящую несколько в стороне.

На дороге над мельницей стоит карета, запряженная лошадьми. За каретой сгущаются тучи. Начинает сверкать молния, слышен гром.

Милутин окликает старика:

– Гаврила, тебя тут люди спрашивают.

Гаврила, с которого ручьями льет вода, проходит мимо них, будто не замечая. Заходит на мельницу. Милутин и консул идут вслед за ним, графиня остается ждать их перед мельницей.

Раздается страшный удар грома, молнии сверкают все ярче. Графиня смотрит на небо. Она взволнована. Вскоре из дверей мельницы появляются Милутин и консул. Они с ног до головы в муке.

– Я же вас предупреждал, что он – сумасшедший, – говорит Милутин.

Вслед за ними выходит Гаврила, неся ушат, полный муки, замахивается на них. Снова раздается удар грома...

Гаврила будто впервые увидел графиню. Останавливается, как вкопанный. Дама делает несколько шагов по направлению к Гавриле:

– Я – Мария Вронская, сестра Алексея...

В этот момент вновь раздается удар грома, совсем близко. Кони вздыбливаются. Начинается ливень. Дождь хлещет по мельнице, по реке, и четверем силуэтам, стоящим под проливным дождем...

Сербия – лето 1876 года

Ночь. Гроза. В свете молнии галопом скачут всадники. Из под копыт летят комья грязи, брызжет вода. Кони взмылены, крупы лошадей забрызганы грязью, всадники укутаны в плащи. Они въезжают в военный лагерь.

Посреди лагеря – проезд, слева и справа разбиты палатки. Тут и там – скорчившиеся фигуры солдат в плащах с капюшонами. От холода они укутались в одеяла. Их лица в отблесках костров едва различимы из-за дождя и капюшонов.

Костры похожи на факелы, которые существуют словно сами по себе, чтобы еще больше подчеркнуть ночную тьму. При блеске молнии на мгновение виден лагерь, солдаты, а потом все вновь погружается во тьму, лишь изредка в темноте мелькают отсветы костров.

Все это: огонь, блеск молнии и необычные тени, как на полотнах Рембрандта, делает картину несколько ирреальной.

Штаб генерала Черняева.

Группа всадников подъезжает к большой палатке, перед которой разведен костер. Около него сидят несколько солдат, укутавшихся в одеяла, плащи, шинели. Чуть поодаль стоят двое часовых в полном обмундировании: винтовки со штыками на плечах, патронташи и т. д. Солдаты подбегают к коням, подхватывают их под уздцы. Прибывшие о чем-то спрашивают солдат, но из-за дождя и грома слов не разобрать. Всадники спешиваются и направляются к палатке. Дойдя до навеса, перед самым входом в палатку, офицер, который шел на два-три шага впереди других, энергичным движением сбрасывает свой плащ на руки ближайшего солдата. Это молодой человек в форме русского полковника.

В помещении штаба.

Статный мужчина сидит на постели в ночной сорочке, опустив ноги в таз с водой. Это сам генерал Черняев. Перед ним – большой стол с картой местности, на ней расставлены фигурки всадников, солдат, пушки. На столе, поближе к генералу, стоит уже полупустая бутылка с ракией и миска с солеными огурцами. В комнату входит офицер в сербской форме, ног без головного убора – Стоян. Ему лет тридцать, он стройный, с аккуратной черной бородкой; его движения энергичны и быстры. Войдя, он вытягивает руки по швам и приветствует генерала. На мгновение задерживается в таком положении, чтоб генерал Черняев заметил его.

Черняев делает большой глоток из бутылки, видно что ракия крепкая и нравится ему, – это подтверждает выражение его лица и довольное побрякивание. Затем он берет огурчик

и отправляет его целиком себе в рот. Лишь тогда недовольно смотрит на Стояна, будто хочет ему сказать: «Чего тебе еще?»

– Ваше превосходительство, прибыл граф Вронский.

На мгновение Черняев перестает жевать огурец, вопросительно смотрит на Стояна, будто хочет его переспросить: «Кто?», но не произносит ничего, берется снова за бутылку, опять делает большой глоток. Слышно невнятное мычание, затем еще глоток. Наконец, Черняев поднимается:

– Пусть подождет минутку. Позовите Гаврилу.

Стоян кивает и уходит. В комнату входит денщик Гаврила. Это уже немолодой, лет пятидесяти, человек, одет наполовину по-военному, наполовину по-крестьянски. На нем гимнастерка, но штаны крестьянские, белые шерстяные носки и опанки – сербские лапти из свиной кожи. Гаврила входит запросто. Лицо у него добродушное, движения медлительны. Видно, что привык терпеть, так что упреки и ругань на него не действуют. Обязанности он исполняет в каком-то своём ритме и по собственным понятиям. Черняев резко бросает ему:

– Ну чего ты идешь, как дохлый. Поддай мне мундир и сапоги.

Гаврила довольно равнодушно исполняет приказ Черняева, помогает ему одеться.

– Ты видишь, какой здесь бедлам. Не штаб, а конюшня!

(По помещению разбросаны вещи. Сабля в одной стороне, форма в другой, кругом бутылки, военные карты, бумаги... все раскидано, как попало.)

– Как меня угораздило сюда попасть. Воевать с могучей турецкой империей армией, в которой всяк делает, что ему угодно...

Наконец, при помощи Гаврилы, он одет, но небрежно, и некоторые пуговицы застегнуты криво.

Черняев снова прикрикивает на денщика:

– Ну чего ты уставился на меня? Убери бутылки и весь этот кавардак... Знаешь, что к нам прибыл важный посланник, прямо от царя. Еще подумает, что мы здесь не воюем, а лишь сидим да пьем. Только графа Вронского мне не хватало...

Недовольно бурчит вполголоса:

– Красавец! Обольститель! Ему-то что нужно в этой дыре?

В помещении перед комнатой генерала Стоян, подчеркнуто эффектно наклоняясь, показывает Вронскому, что Черняев его ждет.

– Пожалуйста, Ваше высокоблагородие.

Вронский отвечает на поклон Стояна:

– Благодарю Вас.

Вронский входит в комнату Черняева, становится во фронт, приветствуя генерала:

– Разрешите доложить, Ваше превосходительство. Я прибыл в Сербию добровольцем. Отдаю себя в полное Ваше распоряжение.

Черняев, глядевший вначале на Вронского с подозрением, исподлобья, резко меняет тон и принимает его неофициально, запросто и даже сердечно. Он направляется к Вронскому, раскрыв объятья:

– Добро пожаловать! Прошу Вас без всяких церемоний, граф. Как желаете, чтобы я к Вам обращался: Ваше сиятельство или господин полковник?

Подходит к Вронскому, желая его обнять.

Вронского, видимо, коробит такая фамильярность. Он довольно холодно протягивает руку. Черняев, держа его за руку, подводит к постели, продолжая говорить:

– Пожалуйста, садитесь.

Вронскому неловко садиться так запросто вместе с Черняевым на постель, он делает шаг в сторону единственного стула, где только что висела форма Черняева, но так как на стуле лежит сабля, он продолжает стоять.

Черняев замечает это:

– Гаврила! Да где ж этот Гаврила?..

Никто не отзывается. Черняев подходит и сбрасывает саблю со стула в угол.

– Эти сербы – страшный народ!

Вронский все еще стоит, ожидая чтобы Черняев сел первым.

– Прошу Вас, садитесь, не стесняйтесь.

Черняев садится на кровать. Вронский опускается на стул.

Теперь они сидят один напротив другого, а между ними – стол с картой и фигурками.

– Можно предложить Вам что-нибудь, господин граф?

– Я бы выпил чаю.

– Чаю? Этого в Сербии нет. Но зато есть прекрасная ракия, – Черняев берет бутылку и протягивает ее Вронскому. – Да и стаканов нет... Как прикажу достать стаканы, оказывается, что они исчезли. Говорят: разбились! Да это они воруют... Выпейте с дороги, это Вас освежит.

Вронский делает глоток и протягивает бутылку Черняеву.

– Ваше здоровье! – Отпивает глоток и возвращает бутылку Вронскому.

– Мне никто не сообщил о Вашем прибытии... Мы могли бы лучше все организовать.

– Нет необходимости. Все в порядке.

Они пьют передавая бутылку один другому.

Черняев произносит тост:

– За победу Славянства и Православия над нехристями. И за Ваше счастливое прибытие!

Вронский отвечает сдержанно-вежливо:

– Благодарю Вас. Ваше здоровье!

Черняев берет бутылку и с любопытством смотрит на Вронского:

– А как Вы сюда попали?

– Я приехал сражаться.

– Но Вы представить себе не можете, куда Вы попали... Это – Балканы! Это не война, а страшная бойня. Здесь так легко погибнуть...

– Мне не страшно погибнуть.

Черняев поднимает брови, лукаво ухмыляясь:

– Война – мое ремесло. А Вы – один из самых преуспевающих молодых людей в Петербурге, фаворит двора, любимец женщин. Да, да, я слышал, что за Вами многие красавицы гоняются.

Вронский молчит, очевидно, что ему не по душе такая фамильярная, несколько развязная, речь Черняева. Когда он говорит о женщинах, его слова звучат пошловато и грубо.

– Даже какая-то знатная дама погибла из-за Вас. Говорят, под поезд бросилась... – говоря это, Черняев бесстыдно и пьяно смеется.

Вронского глубоко оскорбляет такая бесцеремонность пьяного Черняева.

Он поднимается со стула и очень холодно и сдержанно обращается к генералу:

– Если разрешите, я бы удалился.

Черняев продолжает смеяться:

– Конечно, конечно, идите, отдыхайте. Гаврила! Гаврила! Гаврила!

Ночь. Военный лагерь.

Дождь прекратился. Из палатки выходит Гаврила, неся сапоги, забрызганные грязью. Из лесу доносится крик совы. В сумраке ночи этот крик скорее похож на стон. Гаврила останавливается на мгновение, смотрит в сторону леса, крестится.

Вронский в своей палатке мечется в тревожном, беспокойном сне.

Сон Вронского.

В полной тишине сверкает молния. Свет молнии освещает гладкую поверхность неподвижной воды и снова все окутывает непроглядная тьма. Лишь все более частые отсветы молнии играют на поверхности мертвой воды. Свет становится более ровным, будто гроза прекратилась и вышла луна. Медленно, бесшумно, на поверхность воды падает капля. Вода расходится кругами. Появляется отражение красивой женщины, которое подрагивает в воде...

Вода успокаивается. Замирает и отражение лица с широко открытыми прекрасными глазами, оно все ближе к поверхности воды... Снова переливается свет... На поверхность воды обрушивается ливень... Густая тьма... Раздается страшный, очень близкий удар грома.

Из темноты доносится голос Гаврилы:

– Ваше сиятельство... Ваше сиятельство...

Гаврила склонился над постелью Вронского:

– Турки атакуют... Господин Черняев вызывает Вас к себе.

Вронский вскакивает с походной койки.

На скамейке рядом лежит его форма, стоят вычищенные до блеска сапоги.

Гаврила подает вещи Вронскому.

Утро. Военный лагерь.

Лучи восходящего солнца играют в каплях дождя на листве. Они кажутся то блестящими искрами, то зажженными свечами. Небо над деревьями ясное, прочищенное ночным дождем. В полном несоответствии с этой картиной раздается гул далеких и близких взрывов и человеческие голоса, среди которых выделяются резкие команды. Голоса заглушает звон оружия и скрип железа, ржанье коней. Идиллическая картина исключительно красивого утра превращается во всеобщий хаос и сумятицу. Лагерь пришел в движение. Курьеры галопом носятся повсюду. Все смешалось. Обозные телеги, волю, кони, все это движется в разных направлениях, вызывая еще большую давку. Отряды разных родов войск поспешно снимаются с места. Перед выстроенными ротами на конях – их командиры. Черные жерла пушек пока угрожающе молчат.

Перед штабом Черняева десяток солдат держат под уздцы оседланных коней. Близкие взрывы пугают лошадей, они встают на дыбы. Солдаты изо всех сил пытаются их удержать.

В штабе генерала над картами, которые теперь разложены везде – и на кровати, и на полу, и на столе, – согнулось с десяток офицеров, главным образом, высшие чины. Среди них Вронский и Стоян. Взрыв снаряда раздается совсем близко. Все качается, фигуры падают с карты. На офицеров сыплется пыль. Но они подчеркнуто игнорируют это, будто хотят друг перед другом блеснуть храбростью.

Черняев приказывает Стояну:

– Взгляните, не пострадала ли какая-нибудь лошадь?

Стоян выходит. Черняев исподлобья наблюдает за Вронским. Зло, будто хочет сказать: «Это война, красавчик... Обольститель... Это тебе не Петербургские балы». Обращается к Вронскому:

– Как Вам все это нравится, граф? Весело, не правда ли? Несколько иначе, чем на Петербургских балах. Ну, что поделаешь, война! – Вронский в ответ на эти бестактные слова Черняева только морщится. – Поэтому Вы уж нам простите, что не подготовили Вам прием получше...

Ответ Вронского холоден и почти высокомерен:

– Я хочу лишь как можно скорее приступить к выполнению своих обязанностей, Ваше превосходительство.

Черняев смотрит на него иронически. Входит Стоян:

– Все в порядке, только кони перепугались.

Черняев продолжает объяснять позицию присутствующим:

– Это неожиданное нападение турок – лишь обманный маневр. Главное нападение будет на нашем восточном крыле, вдоль реки Тимок. Они хотят зайти к нам в тыл и окружить.

Стоян вступает в разговор:

– Если позволите возразить: все донесения сообщают, что главное направление движения турецких сил – вдоль реки Морава. Мы как раз на этой линии. Я думаю...

Черняев резко обрывает его:

– Что за проклятая страна! Все хотят думать. У каждого свое мнение. Нечего тут думать. Турки не настолько наивны, чтобы принять такой план, на который был бы способен любой скороспелый сербский капитан. Сейчас же отправляйтесь с полковником Вронским на позицию в сектор Соко Баня – Княжевац (показывает на карте). Вы поступаете под начало полковника Хорватовича. (Обращаясь к Вронскому) Ну, вот Вам, граф, и первое задание. Желаю удачи. Я даю Вам своего денщика Гаврилу. Он хороший, хотя и чудак. Слишком набожный, строитель храмов и богомаз, – последние слова Черняев произносит с ироническим смешком.

Вронский же отвечает лишь официальным кивком.

Сербия – лето 1900 года

День. Гостиная в доме Милутина. Чистая, просторная комната с небольшим количеством вещей, вся в ярких коврах. В углу – деревянная кровать, накрытая вышитым покрывалом. С другой стороны стоит деревянный резной сундук для одежды. На стене – семейный портрет, несколько икон, среди которых образа Святого Саввы и Святого Георгия, убивающего змея, и лампада.

Графиня Мария заканчивает утренний туалет – ей над тазом из кувшина поливает девочка Лозанна. Рядом стоит Даница с расшитым полотенцем в руках. Графиня берет полотенце и утирает лицо. Смотрит в окно. Милутин во дворе впрягает коней в карету.

Дом Милутина – живописный белый дом с черепичной крышей и коричневыми оконными рамами, веранда с деревянными балясинами – типичный сербский крестьянский дом. Перед домом растут две старые липы.

На веранде горшки с разноцветной геранью. Во дворе – амбары, стога сена и соломы, распряженная телега. Милутин запрягает коней, подводит их к крыльцу. Из дома выходят графиня, Йованка и Даница.

Милутин, кланяясь, приветствуя графиню:

– С добрым утром, барыня! Как себя чувствуете? – помогает ей сесть в карету.

– Очень хорошо. А консул Александр Сергеевич все переживал, как он меня оставит одну. Я ему ответила – поезжайте с Богом, господин консул. Там, где есть добрые люди, человек никогда не бывает один.

Говоря это, графиня усаживается в карету, куда уже забрались Йованка и Даница. Графиня гладит по лицу Йованку. Милутин залазит на облучок, крестится и трогается в путь.

День. Лужайка на вершине холма.

Небольшой каменный памятник с крестом, перед ним – зажженная свеча. На памятнике высесено: «Здесь погиб русский полковник Вронский».

Рядом с могилой стоит священник Стоян, задумчиво глядя на огонек свечи, горящей на могиле. Затем поднимает голову и смотрит вдаль. Лицо его напряжено, будто он силится что-то вспомнить.

Могила находится среди живописных холмов, покрытых пастбищами и лугами. Этот холм доминирует над Моравской долиной, которая уходит далеко на север и юг, теряясь в синеве. Далеко на востоке виднеются горы. На дороге, поднимающейся вверх по холму, появляется карета.

Вскоре к памятнику подъезжают графиня и ее спутники. Милутин спрыгивает с облучка и помогает графине выйти. Она молча направляется к памятнику. Становится перед ним на колени, целует землю и остается так на несколько мгновений, прижавшись головой к земле. Поднимает голову и рассматривает надпись на памятнике. Потом поднимается с колен, священник помогает ей единственной рукой. Графиня целует руку священнику. Священник делает движение, как будто благословляет ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.